

О П Ы Т

«Для меня Катынь –
еще и личная трагедия.
Под Смоленском
погребены останки
моего отца».

правда была зарыта слишком глубоко

Накануне своего дня
рождения Анджей
Вайда рассказывает,
почему он снимает
фильм о Катыни

моск. новости
2003 - 10 марта - 3

Анджей Вайда и его жена Кристина Захватович – актриса, сценограф, художник по костюмам и соратник по творчеству.

«Каждый режиссер должен иметь блокнот, ручку и часы», – так Анджей Вайда начал урок о своей профессии и кино в одном из лицеев под Варшавой. Старшеклассники затаив дыхание слушали великого мастера, от которого получили еще и домашнее задание: написать сценарий для небольшого фильма об интеграции Польши с Европейским союзом.

К неслыханной работоспособности Вайды привыкли давно. Кино, театр, книги, школа режиссуры – лишь часть его обширной деятельности. Несмотря на всю свою занятость, режиссер находит время целый вечер проговорить со зрителями о современном театре, обсудить в библиотеке новую книгу, поговорить на выставке или конференции, а то и поехать к школьникам. Его не смущает ехидство иных критиков, уставших от присутствия мэтра в польском кино, как не успокаивают награды, в том числе желанный для всех кинематографистов «Оскар». Все это побуждает Вайду только к одному: работе.

– **Круг ваших интересов всегда велик. На чем сейчас сосредоточено ваше внимание?**

– Если говорить о кино, то поглощен работой над фильмом «Непобедимые» о Катынской трагедии. Эта тема мучила меня долгие годы и никак не давалась. Проще всего было бы сконцентрировать внимание на самом преступлении. Но проблема Катыни мне виделась в другом – насколько же глубоко была зарыта правда, что даже на Западе и за океаном десятилетиями царил молчание. Главное не констатация факта, а то, что было потом. Все это очень трудно выразить средствами кино, а подходящего сценария не было. Наконец появилась удовлетворившая меня литературная основа – рассказ Владзимежа Одовевского. Теперь я могу вам сказать, что съемки фильма будут осуществляться вместе с российскими коллегами, чему я очень рад. Для меня Катынь – еще и личная трагедия. Под Смоленском погребены останки моего отца.

– **Открытие «Мастерской-школы кинорежиссуры Анджея Вайды» оправдало ваши ожидания?**

– Еще нет, потому что она действует всего три месяца. Но я уверен в успехе – со мной рядом с полной отдачей работают известные кинорежиссеры. И наши слушатели уже готовят в стенах школы свои дебюты. Хотя есть и такие, кто пришел к нам с кинематографическим багажом.

– **Могли бы в этой школе учиться россияне?**

– Честно говоря, это моя мечта. Мы как раз сейчас занимаемся созданием международного курса, которым руководит мой коллега и сооснователь школы Войцех Марчевский: у него богатый опыт обучения режиссуре в Лондоне, Берне и Копенгагене. Наша школа – частная. Это требует постоянной заботы о средствах для ее существования, о которых мы хлопочем, главным образом, в Европейском союзе. И встречаем там понимание, поскольку школа в Варшаве как раз то место, где могут встречаться и сотрудничать молодые кинематографисты с Востока и Запада. А это, собственно, и есть наша цель.

– **На последнем Берлинале «Награду Анджея Вайды» (приз Свободы) получил Александр Сокуров. Почему вы выбрали именно его?**

– Я считаю Сокурова одним из наиболее талантливых кинотворцов в мире. Его «Русский ковчег» воспитал меня. Это самый оригинальный фильм

из тех, что я видел в последние годы. В нем нет болезненных, а часто бесплодных возвращений в прошлое, расчетов с тем, что уже минуло. Сокуров как настоящий художник начинает с себя и обращается к тем, кто жаждет искусства, а не информации.

– **Недавно вы внесли коррективы в свою картину «Земля обетованная», исключив из нее, на удивление многим, эротическую сцену. Почему вы пошли на это, когда эротика стала чуть ли не визитной карточкой сегодняшнего кино?**

– Во времена ПНР цензура по части морали была не менее сурова, чем политическая. Тогда эротические сцены означали свободу выражения, что было весьма важным элементом кино. Сегодня, когда подобного рода «раскрепощение» стало почти обязательным и чуть ли не принудительным, мне это уже не кажется необходимым. Поэтому, когда спустя почти тридцать лет мне захотелось представить этот мой фильм новому зрителю более цельным, я пожелал сохранить в нем совсем другие сцены.

– **На уроке в лицее вы убеждали старшеклассников, что фильмы делают одинаково как в Лодзи, так и в Лос-Анджелесе. В то же время в своей книге «Кино и остальной мир», вспоминая встречу со Спилбергом, вы пишете, что «каждый режиссер до определенной степени – конечно, в зависимости от бюджета – является Господом Богом». Значит, все-таки производительность «фабрики грез» в Голливуде зависит прежде всего от денег?**

– Не всегда. Ведь в Лос-Анджелесе создаются картины и малозатратные, обращенные к особой аудитории. Конечно, продюсеры и режиссеры таких фильмов рискуют вступить в схватку с массовым кино. Но бывает, что им удается побеждать, когда даже «широкий» зритель, набивший оскомину на привычной голливудской продукции, ожидает чего-то иного и необычного. Между прочим, американское кино умеет лучше использовать европейский опыт, нежели мы – традиции и профессионализм кинопроизводителей США.

– **На первые кассовые места в**

Польше вернулись американские фильмы. Среди польских картин больше всего зрителей привлекла ваша «Месть» по комедии Александра Фредро. Снова выручила классика. Можно ли ожидать от вас ленты о современности такого же масштаба, как «Человек из мрамора» и «Человек из железа»?

– Надежда, что я сделаю заключительную часть про современного «третьего человека», помогает мне жить. Но я приступаю к работе над фильмом только тогда, когда вижу серьезную литературную основу. Пока не могу найти среди пишущей братии союзника, который взял бы жизнь за горло.

– **Кроме фильмов, вы поставили немало значительных спектаклей. Не боитесь, что сегодня на фоне шоу и мюзиклов театр потеряет свое значение?**

– Театр держит диалог, и в этом его величие. Это последнее место, где люди разговаривают между собой. Театру по-прежнему есть что сказать публике. Живой актер по-прежнему привлекает зрителя, и театральные залы не пустуют.

– **Вы думаете, ему ничем даже всесильное телевидение со своими сериалами и «мыльными операми»?**

– Телевидение – болезнь нашего века, оно плохо действует на общество, которое тратит драгоценное время, сидя перед этим ящиком Пандоры. Потому что даже родные, близкие люди при виде чужого счастья перестают обращать внимание друг на друга. Меня, например, поразили выкладки социологов, которые утверждают, что в самом лучшем случае супруги в семье общаются между собой только 20 минут в день.

– **Вы рискнули бы определить героя нашего времени?**

– К сожалению, нет. Но не устаю искать ответ на этот вопрос, поэтому «Герой нашего времени» Михаила Лермонтова до сих пор моя настольная книга.

Валерий МАСТЕРОВ,
соброр «МН», Варшава
Фото автора

ДО С Ё «МН»

За 45 лет работы в кино Анджей Вайда снял свыше 40 фильмов и – ни одного «проходного». Важнейшие из них: «Поколение», «Канал», «Пепел и алмаз», «Пепел», «Все на продажу», «Охота на мух», «Березняк», «Пейзаж после битвы», «Свадьба», «Земля обетованная», «Человек из мрамора», «Без наркотизма», «Человек из железа», «Дантон», «Бесы», «Корчак», «Кольцо с орлом в короне», «Страстная неделя», «Пан Тадеуш», «Месть».